

Социальное конструирование реальности: время конструктора мира

Современное положение дел дает возможность непротиворечиво говорить об изменении природы социальной реальности, а как следствие, и трансформации каждой индивидуальной экзистенциальной ситуации. На данные метаморфозы указывает множество маркеров, здесь я остановлюсь на трех из них, наиболее существенных.

Первая трансформация касается представлений об истине, которая после постмодерной деконструкции гранднарративов стала не просто плюральной или множественной, а превратилась в *постистину*, зависящую больше от эмоциональной составляющей, чем от рациональной верифицируемости. *Oxford Dictionary* так определяет термин-неологизм 2016 г.: «Постправда — обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям». Самыми значимыми достижениями реализации данной практики следует признать Brexit и победу Д. Трампа на президентских выборах. Ее полноценное освоение становится причиной информационных войн, свидетелями которых все мы являемся.

Второй маркер связан с утратой Западом мировоззренческой монополии, а как следствие, крушением инвариантности цивилизационной модели. Сейчас уже можно однозначно констатировать, что пророчество о «конце истории» было явно преувеличенным. По состоянию на сегодня можно непротиворечиво говорить как минимум о трех эксплицитных *альтернативных Западу цивилизационных проектах*: Исламский проект (с внутренней конкуренцией), базирующийся на религиозной идентичности, Русский мир, рассматривающий традиционные православные ценности и русский язык как основу построения цивилизационной модели и Китайский проект сердцевинных ценностей, помимо коммунистического кредо,

опирающийся на традиционные конфуцианские установки¹. При том, что эти проекты появились и развиваются на совершенно различной культурной почве, можно выделить некоторые их общие черты:

- 1) принципиальное отрицание универсальности западных ценностей и предписаний;
- 2) интерпретацию западных ценностей как инструмента подчинения и эксплуатации других культур;
- 3) обращение к собственной истории и религиозным традициям в поиске собственных культурных ценностей и норм;
- 4) использование для продвижения своего проекта западных технологий и методов (социальные сети, СМИ, оружие, Thins Tanks и т.д.);
- 5) открытая идентификация собственных проектов как альтернативы западной, секулярной модели.

Во всех этих проектах речь идет об инструментализации религии как мощнейшего мобилизационного фактора, на фоне попыток не просто альтернативной Западу интерпретации происходящего, а построения альтернативной ему социальной реальности, как формы жизни.

Третий фактор – *технологические новации*, позволяющие осуществлять невиданные до сих пор интервенции в сферу публичного и приватного. СМИ, социальные сети (СС), искусственный интеллект (ИИ), Общество 5.0. Такие технологии меняют сам социальный ландшафт: с одной стороны, хайдеггеровская и юнгеровская мысль о бытии при технике становится

---

¹ Примечательно, что Дж. Данфорд, самый высокопоставленный военачальник США, Председатель объединенного комитета начальников штабов, 23 августа 2016 г. излагая доктрину угроз «4+1» назвал главными угрозами Россию, Китай, Иран, Северную Корею и насильственный экстремизм. То есть, в первую очередь, страны, которые имеют собственные альтернативные проекты развития и оказались главными угрозами, при этом вооруженный терроризм был помещен на последнее место. См. подробнее: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/-923685/dunford-details-implications-of-todays-threats-on-tomorrows-strategy>

реальной, а такие социальные потрясения как Арабская весна вряд ли были бы возможны без СС, индивидуально настраивающих частные умы на необходимый единый лад, с другой – предложенная Сидзо Абэ модель Общества 5.0, базирующаяся на технологии BigData, в конце-концов ведет к отказу даже от базовой рациональности, а как следствие, и личностной свободы.

Все это маркеры изменений самой природы реальности. В философии XX века было последовательно обосновано понимание реальности как социального конструкта. Формы жизни Витгенштейна, структуры Леви-Стросса, множественные реальности Шюца, дискурсы Фуко, поля Бурдьё, исторические системные ансамбли Хюбнера и т.д. показывают редуцируемость представлений о реальности к определенным структурам, языку, культуре и т.д. Это состояние одномерной реальности с полным отсутствием трансцендентного Хайдеггер назвал временем картины мира. Этот мир характеризуется купирование трансцендентного, реализация всех смыслов смещается в имманентное «здесь и сейчас», а все человеческие практики «заземляются». Мир воспринимается как продукт деятельности трансцендентального субъекта. Реальность перестала быть объективным космосом, а превратилась в intersubjective смысловой универсумом. Таким образом, *реальность – это intersubjective вмещающее, ежесекундно поддерживаемое совместной деятельностью разделяющих ее реципиентов, в рамках которой только и возможна их самореализация. С одной стороны, действовать возможно только внутри определенной социальной реальности, с другой – социальная реальность невозможна без физического наличия ее адептов.*

События начала двухтысячных вынудили переосмыслить хайдеггеровскую культурную дескрипцию. Современное состояние можно непротиворечиво охарактеризовать как ***Время конструкта мира.*** Культурный разум постиг не просто конструктивистскую природу

социальной реальности, что стало нормой уже для второй половины XX века, но *осознал* возможность сознательного вмешательства в сферу онтологии. Реальность теперь не просто бессознательно создается совокупностью intersubъективных интеракций разделяющих ее адептов, а *сознательно* (искусственно) конструируется, приобретая нужные, как правило для политической и цивилизационной конкуренции, формы. Трансцендентное в ней принципиально невозможно, имманентное поддается сознательному конструированию, все практики субъективизируются и релятивизируются.

Такая трансформация стала возможна благодаря двум факторам: 1) теоретическому – культурный разум эксплицитно осознал возможность онтологической коррекции; 2) практическому – технологический инструментарий (СМИ, Интернет, СС) на современном этапе позволил практически воплотить теоретические новации. При этом не следует данную экспансию сужать сферой политического: изменение реальности происходит на всех уровнях, включая самые фундаментальные измерения, например, такие как гендерная идентичность. В западном либеральном мире сегодня стал уже законодательной нормой запрет на использование в официальных документах слов «папа» и «мама»; административному и криминальному преследованию можно подвергнуться за отрицание прав секс-меньшинств, а в некоторых скандинавских садиках детей с пяти лет призывают серьезно задуматься над собственным гендерным самоопределением. Символом произошедших изменений можно считать обвинение Алана Тьюринга, осужденного в 1952 году за совершение «грубой непристойности» (гомосексуальности) и его же посмертную амнистию королевой Елизаветой II 24 декабря 2013 года.

В силу того, что социальная реальность – не объективная данность, а продукт социального бытия, она нуждается в постоянном поддержании. Это вовсе не новация и на протяжении всей истории человечества можно проследить один практически неизменный алгоритм. Всегда были структуры,

ответственные за сохранение определенного образа реальности – канонической его формы. Я предлагаю их назвать – **Институты онтологической ответственности**. *Институты онтологической ответственности – это социально признанные, наделенные полнотой символической (политической, экономической) власти институции поддерживающие канонический образ реальности.* Инвариантными функциями для всех исторических форм данных институтов можно считать:

- 1) поддержание и сохранение онтологии;
- 2) выявление аномалий (явлений угрожающих официальной онтологии);
- 3) ликвидация аномалий.

На современном этапе к данным трем функциям ИОО добавилась еще одна, которая, правда, меняет саму природу социальной реальности – *сознательная коррекция онтологии*, искусственная экспансия в сферу онтологии.

При практически инвариантности функций ИОО их форма исторически изменчива. Для архаического общества таковую роль играл институт жречества, в средневековье роль пастыря реальности взяла на себя церковь, в эпоху модерна эту функцию выполняли академии, на современном этапе данная роль все больше переходит к Thins Tanks (аналитическим центрам). На каждом историческом этапе ИОО был свойственен определенный набор инструментария. Для жречества – это были магия и заклинания; для церкви – проповедь, Собор, инквизиция; для академий – энциклопедии, альманахи, радио, газеты; для аналитических центров – СМИ, СС, престижные премии, международные организации. Разные ИОО конструируют различную социальную реальность, предполагающую различные социальные практики, поэтому в современных городах по тем же улицам, по которым во времена доминирования Церкви шли крестные ходы – сегодня проходят гей-парады.

Соответственно, современная система конструирования социальной реальности выглядит следующим образом: аналитический центр (уровня Council on Foreign Relation, Atlantic Council, The National Interest), обладающий практически неисчерпаемым финансированием, социальным и символическим капиталом², формулирует необходимое понимание реальности, далее данная установка массивно тиражируется через аффилированные транснациональные СМИ и каналы в СС, в случае большой значимости новации, ее «официальность» закрепляется присуждением престижной премии, после чего данная позиция становится социально признанной нормой, выступление против которой теперь считается патологией.

Хороший пример такого конструирования можно найти на уровне культурной идентичности, противостояние на котором существенно усилилось в связи с обострением цивилизационной конкуренции. Так, в рамках украинского политического дискурса идет системная работа по изменению исторической памяти. В этот нарратив хорошо вписывается переосмысление Второй Мировой войны, в целом, и предпринятое Тимоти Снайдером (профессором Йельского университета, членом Совета по международным отношениям (CFR), в частности. Последний, выступая в июне 2017 г. перед депутатами Бундестага, заявил, что основной целью Гитлера во Второй Мировой войне был захват Украины³. Соответственно, именно украинцы пострадали в этой войне больше всех и у сегодняшних немцев нет морального права отвернуться от Украины, ибо они должны искупать грехи своих предков и помогать Украине, несмотря ни на что.

---

² Так, например, CFR среди своих основателей имеет практически весь крупнейший бизнес США: от Chevron, ExxonMobil, Shell до Citigroup, Goldman Sachs, Morgan Stanley. Корпоративными членами совета являются первые университеты США: Гарвард, Йель, Колумбийский, а индивидуальными - такие персоны как Б. Клинтон, Дж. Сорос, бывшие директора Госдепартамента и ЦРУ. А, например, расположенный в Таллахасси аналитический центр Breitbart Embassy, работающий с DeepWeb и сыгравший одну из ключевых ролей в победе Трампа, обошелся, по признанию его руководителя в 1,3 млрд. долл.

³ См.: <http://argumentua.com/stati/timoti-snaider-istoricheskaya-otvetstvennost-germanii-pered-ukrainoi>

В заключение, возвращаясь к проблематике, описанной в начале статьи, можно непротиворечиво утверждать следующее:

1) глобальные изменения отношения к религии, представлений об истине, и способов взаимодействия с окружающим миром свидетельствуют о фундаментальной трансформации – трансформации природы реальности;

2) детрансцендентализация реальности и технологический инструментарий непосредственного воздействия на индивида в глобальных масштабах изменили методы и способы функционирования ИОО, а их функции перешли к аналитическим центрам;

3) точнее всего произошедшее в целом, а также намечающиеся трансформации ближайшего будущего можно охарактеризовать положением: время картины мира сменилось временем конструкта мира.